

Е. А. Чувильская
Н. В. Дубив
Тюмень, Россия

E. A. Chuvilskaya
N. V. Dubiv
Tyumen, Russia

**ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ Х. ШЮЛЕ И В. БЮШЕРА**

**CH. SCHUELE & W. BUESCHER'S TRAVEL
AROUND POST-SOVIET RUSSIA**

Аннотация. Рассматриваются результаты познания России постсоветского периода немецкими писателями-путешественниками. В 90-е гг. XX в. в сознании немцев сформировался негативный образ России, связанный с мафией, нищетой, отсутствием демократии. В рассматриваемых книгах немецких путешественников утверждается, что в России сохранилось ценное ядро — православие, русская душа, великодушие — которое позволит ей возродиться.

Abstract. The following article describes the research of the Post-Soviet Russia by German travelers-writers. In the 90-s of the XX century in the minds of the Germans there was a negative image of Russia, connected with mafia, poverty, absence of democracy. In the books by the German travellers it is stated that there is a valuable nucleus in Russia – orthodoxy, Russian soul, generosity – which will let the country revive.

Ключевые слова: образ; постсоветская Россия; русская душа; путевой очерк; асоциальность.

Key words: image; Post-Soviet Russia; Russian soul; travel essays, asociality.

Сведения об авторе: Чувильская Елена Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, Институт гуманитарных наук.

About the author: Chuvilskaya Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication, Institute of the Humanities.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Place of employment: Tyumen State University.

Контактная информация: 625003, г.Тюмень, ул. Семакова, д. 10.
e-mail: Etschuwilskaja@yandex.ru.

Сведения об авторе: Дубив Надежда Викторовна, кандидат педагогических наук, старший доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, Институт гуманитарных наук.

About the author: Nadezda Viktorovna Dubiv, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication, Institute of the Humanities.

Place of employment: Tyumen State University.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г.Тюмень, ул. Семакова, д. 10.
e-mail: nadjamich@mail.ru.

Гуманитарное знание ставит в последнее время в центр исследования проблему понимания «другого» — иных народов, социальных групп, государств. Употребляя словосочетания «образ страны», «образ народа», мы вступаем в область научной дисциплины, которая изучает образ «другого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи, — имагологии. Понятие «образ» выступает в качестве одного из механизмов и инструментов рецепции и репрезентации других/чужих. По словам А. Р. Ощепкова, в мировом общественном сознании сегодня очень остро стоит вопрос об имидже России. Поэтому важнейшая задача современных гуманитарных исследований — понять механизмы формирования имиджа, роль литературы в этом процессе, факторы, влияющие на него [Ощепков 2010: 3—4]. Следует отметить, что восприятие России на Западе рассматривается прежде всего

сквозь призму исторических реалий, политико-дипломатических отношений, культурных связей и стереотипов, но очень редко в фокусе оказываются литературные модели и эстетические принципы, которые влияют на репрезентацию России. В историко-культурологических исследованиях литературные произведения являются лишь одним из источников информации для воссоздания панорамы культурных связей России и Запада. Изучение образа России, создаваемого в немецкой литературе, позволит понять многогранный и противоречивый процесс взаимодействия литературного и общественного сознания и выявить их взаимопроецирование.

В данной статье основное внимание уделено представлениям о постсоветской России. Распад Советского Союза является переломным моментом в истории России: коренным образом меняется государственное устройство, зарождается новое, свободное общество,

Статья подготовлена в рамках проведения поисковых научно-исследовательских работ по государственному заказу Министерства образования и науки РФ, федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы (мероприятие 1.2.2 — IV очередь). Госконтракт № 14.740.11.1387.

© Чувильская Е. А., Дубив Н. В., 2012

представляющее собой мозаику из оставшихся советских убеждений, привычек, норм и российских новообразований, чувства относительной свободы и вседоступности. С переходом России в иную историческую эпоху происходит и смена представлений о ней в Германии. В сознание немецкого общества наряду с традиционным классическим образом русских (Россия с ее культурой, с Толстым, Достоевским, Горьким и др., с классическим балетом, экзистенциальным искусством, Россия как европейская культурная нация) постепенно входит с первым потоком «новых русских» за границу, миграцией русских немцев в Германию и политическими конфликтами негативный имидж (образ мафиозного богатого «нового русского», русской женщины-соблазнительницы, роскошной жизни, коррупции, вседозволенности; антигуманная политика Москвы в Чечне). Сформировавшиеся в это время представления о России еще долгое время будут занимать в немецком сознании доминирующую позицию. Возможно, что знакомство немцев со средним культурным классом российского общества постепенно вытеснит стереотип 1990-х гг.

Какие компоненты образуют сложившийся образ постсоветской России?

Образ России традиционно присутствует в художественном сознании немецких писателей как результат освоения чужого этнического пространства на основе общественно-политических, межгосударственных, культурных, в том числе литературных взаимосвязей, пересечений и переплетений [Кудрявцева 2007]. После открытия железного занавеса у современных немецких авторов появляются новые возможности познания «чужой» российской действительности. Палитра представлений о России становится более дифференцированной. По словам социолога А. Г. Здравомыслова, понятие «Россия» «включает в себя сложную совокупность образов, эмоций и определений» [Здравомыслов 2003: 529]. В данную систему входит географическое пространство как место сосредоточения русского этноса, государственное образование определенного типа, культурное пространство (литература, музыка, живопись, архитектура), вмещающее определенные общественные отношения и нравственные ценности, русские люди с русским характером как совокупность индивидов, говорящих на русском языке, их быт, обычаи и привычки [Koslatschkow 1998].

В качестве одного из путей познания постсоветской России и построения ее образа немецкие авторы выбирают «погружение» в российскую действительность, отправляясь в путешествие по русским городам и деревням.

Документально-художественные жанры — путевые записки, дневники и мемуары — дают наиболее развернутое, подробное повествование о России. Вместе с тем, как отмечает А. Р. Ощепков, жанр путевых записок диктует

определенный угол зрения на объект, обуславливает некоторую поверхностность наблюдений, поспешность выводов, акцентирование непохожего, странного, экзотического и субъективности, а подчас и пристрастность взгляда [Ощепков 2010: 9].

Какой образ России создают немецкие писатели-путешественники постсоветского времени?

Многоликий портрет постсоветской России рисует Христиан Шюле. Автор отправляется в путешествие по Уральскому региону и лицом к лицу встречается с далекой ему, чужой и необъяснимой российской действительностью. В своих путевых заметках «*Kleine Erkundung der russischen Seele*» Х. Шюле не только описывает жизнь русского народа в настоящей России, которая начинается там, где заканчивается асфальт *Russland beginnt dort, wo der Asphalt aufhört* [Schüle 2003], но и пытается раскрыть причины появления сложившихся реалий.

Сквозь все произведение проходит нить пессимизма, негативных «черных» представлений о России и мотив смерти. Русская душа — *Relikt des 19. Jahrhunderts ... die russische Seele sei krank, entstellt und heillos, das gebrochene Volk, die Russen... / пережиток романтизма XIX в. Русская душа больна, обезображена и неизлечима, а русский народ сломан* [Schüle 2003]. Нищета, разочарование, унижение, алкоголизм, падение человека и исчезновение ценностей, пустота, страдание и боль — вот что находит открыватель русских деревень, приговоренных к смерти (*zum Sterben verurteilt*). В деревнях царит бедность, люди живут, чтобы выжить (*wir leben, um zu überleben*). Только тот, у кого есть деньги или связи, сможет выжить. Россия погрязла в коррупции, воровстве и мошенничестве, в постперестроечное время деньги сделали русских злыми, так как почти каждый стремился заполучить их во все большем размере (*Die Russen seien böse, seit der Perestrojka...*). Жажда денег и власти способствовали появлению мафии, которая соревнуется со сталинской тайной полицией (*...sie erinnern an die „schwarzen Raben“, die Wagen von Stalins Geheimpolizei*). Россия превратилась в преисподнюю коррупции (*Korruptionshölle*). Жители не верят правительству и правящей партии «Единая Россия» и называют демократию *Scheißokratie* (от *Scheiße* — 'грязь, дерьмо'). Горбачев и Ельцин, пришедшая на смену советской власти демократия украли Россию (*Gorbatschow und Jelzin haben uns unser Russland geklaut*). Каждый в России боится за жизнь, боится заболеть, а тот, кто болен, тот умирает. Это еще раз доказывает неверие русского человека в настоящее и будущее, жизнь воспоминаниями о прошлом (*den Kommunismus, den wünsche ich mir so sehr zurück*), безнадежность. Унижение человека жизнью — это будни в умирающей деревне, — резюмирует Х. Шюле. Люди становятся раба-

ми, мусором. Снова пришло время естественного права: выживет сильнейший. Русский человек заглушает свое разочарование и безвыходность алкоголем, «мертвыми» становятся целые деревни, жители которых «тонут», пьют днем и ночью все, что содержит спирт (водку, чистый спирт, одеколон, жидкость для снятия лака и т. д.): *Sascha will ein totes Dorf zeigen... In diesem Dorf leben die, die untergegangen sind.* Алкоголь становится атрибутом современной молодежи, своеобразным гламуром, как замечает автор, проезжая по Челябинску: *An jenem Abend hält fast jede sichtbare Frau in Tscheljabinsk eine Dose oder eine Plastikflasche Bier in der Hand, und fast jeder junger Mann tut es prinzipiell, das ist normal, es ist doch Wochenende.* Вычурно и вызывающе одетые девушки заинтересованы прежде всего в том, чтобы привлечь мужчин. Молодые люди плюются, не обращая ни на что внимание. Может, такое падение человека и ценностей — вызов государственному устройству, действиям чиновников и всеобщему депрессивному состоянию, а может, его следствие? Весь город кажется охваченным темнотой и депрессией, асоциальностью, неприязнью по отношению к другим: *Wer in den überfüllten Trambahnen sitzt, weicht allen Blicken aus, stiert durchs beschlagene Fenster oder auf den Rücken des Vordermanns... keiner spricht und lacht...* Автор представляет взгляд со стороны, сам русский народ настолько охвачен угнетенным и мрачным состоянием, что не замечает этого.

Однако в столь пессимистическом и темном образе России отмечаются позитивные черты. В поисках «потерянной» русской души и в надежде на возрождение русский человек с 1990-х гг. обращается к православному наследию, так как вера образует фундамент русской души: *Der Glaube sei das Wichtigste, er sei das Fundament der russischen Seele...* Русский народ ищет начала своей культуры, духовную страну, влюбленную до безумия в искусство, литературу и Бога. Это своеобразное размышление над советским прошлым и возвращение к дореволюционной царской России. Воспоминания о прошлом и надежды на будущее в настоящем висят над пропастью. Х. Шюле формулирует данную ситуацию в лице одного из героев: *Wir Russen leben eben immer in Traum, im Gestern und im Morgen, in der Erinnerung und in der Hoffnung.* Истинно русским является всецелая убежденность в чем-либо, передает автор в словах персонажа-драматурга, постигая русскую душу: *Wahrhaft russisch ist doch das Überzeugtsein von etwas, ganz und gar.* Герой произведения продолжает: *Die Russen geben ihr Herz für etwas hin, einen Glauben, einen Menschen, eine Hoffnung / Русские отдают свое сердце чему-либо — вере, человеку, надежде.*

В завершение путешествия Х. Шюле посещает шамана в Ямальском округе. Именно он

раскрывает писателю секрет устройства, спасения и возрождения русской души: *...die Russen wieder zu lieben lernen müssen, nachdem die bolschewistische Propaganda das Licht unterdrückt habe und die Menschen entmenschlicht. Die Energie der Liebe soll fließen wie das Wasser des Katun ... denn Liebe und Hingabe... seien die Juwelen der russischen Seele. / Русские люди должны снова научиться любить после того, как большевистская пропаганда подавила свет и обезчеловечила людей. Энергия любви должна струиться как вода в Катунь ... так как любовь и самоотверженность... являются сокровищами русской души.*

Итак, Х. Шюле, создавая образ постсоветской России, использует палитру негативных и пессимистических жизненных реалий русских деревень и городов. Вывести русский народ из состояния упадка, безысходности и разочарования сможет только вера, любовь, самоотверженность и жизнь настоящим.

Рассмотрим еще один портрет России, нарисованный немецким автором, представшим в образе путника.

«Берлин — Москва. Пешее путешествие» — уже название звучит странно. Люди XXI в. не преодолевают дальние расстояния пешком. Так передвигаются только искатели приключений, к которым принадлежит Вольфганг Бюшер. За восемьдесят два дня преуспевающий журналист, вполне устроенный житель благополучной Германии, прошел пешком более двух с половиной тысяч километров от одной столицы до другой, начав путешествие в разгар лета 2001 г. и завершив его уже дождливой осенью, пройдя путь Наполеона и солдат вермахта из группы армий «Центр» через Одер, Вислу, Неман (*Über die Oder, Weichsel, die Memel*) [Büscher 2003: 11]. Потому его личное восприятие России постоянно перекликается с историческими оценками.

Во время путешествия Бюшер начинает понимать, как мало он сам и другие люди на Западе знают о Восточной Европе: «О многих городах, в которых я побывал, ничего не говорилось в путеводителях», — пишет Вольфганг Бюшер.

Россия открывается ему постепенно, он идет по русским дорогам, которые *похожи на восточные реки: длинные и широкие... Все время прямо: не видно ни конца, ни края (Russlands Chaussees sind wie die östlichen Ströme, weit und breit. ...Immer geradeaus, und kein Ende)* [Там же: 75]. Автор проходит через неизменные русские (восточные) деревни с одной улицей и двумя рядами деревянных изб и деревянной скамьей перед избой; через русские города, прекрасные в прошлом, что еще заметно по развалинам, и уродливые сегодня. Писатель встречается с русскими, которые пьют водку и любят пофилософствовать, верят в чудеса и *не показывают ни малейших признаков униженности или покорности* и, конеч-

но, имеют золотые зубы (*Alle Russen haben Goldzähne*) [Bücher: 75]. В молодых людях, в их внешности и привычках уже отчетливо видно влияние Запада: *Die jungen Männer auf dem Platz hatten etwas, das ich aus Berlin kannte. Die jungen Frauen Lucky Strike im Mund, Coca-Cola in der Hand.* / Юноши на площади похожи на своих берлинских сверстников... Девушки — в зубах „Лаки страйк“, кока-кола в руке [Там же: 89].

Путешествие В. Бюшера, человека с Запада, — путь познания Востока. То, что Бюшер видит по пути, постепенно перемещаясь из европейского пейзажа в славянский, страшно: в каждом месте возвышаются статуи, бедность, разруха в душах, на дорогах, на улицах. *Бескрайние объемы дряни оставило после себя военное время. Дрянь в домах. Дрянь в государстве. Дрянное питание. Дрянные автомобили... Дрянь на полях и в реках. Дрянь в поведении. Дрянь в разрушенных церквях. Дрянь в душах людей... (Ungeheure Mengen Schrott...)* [Там же: 203]. И это не результат войны с немцами, это война русских против самих себя: *Что Вы сделали с вашей страной? С вашими городами? С самими собой, живущими в темноте?* [Там же: 203].

Но надежда есть. Это добрые люди, помогавшие В. Бюшеру по пути, это русские женщины, которые кормили его, устраивали ночевать, дарили человеческое тепло. Благодаря этому Россия не полностью ушла в болото, она

проходима, она позволяет человеку поставить перед собой цель и дойти до ее завершения, в ней есть проходимость добра.

В России, несмотря на всесторонний упадок, таится ценное ядро (ее тепло, великодушие и доброта), требующее возрождения.

Представленные немецкими писателями-путешественниками кусочки российской действительности укрепились в сознании немцев и создали имидж постсоветской России и русского человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Здравомыслов А. Г.* Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. — М., 2003.
2. *Кудрявцева Т. В.* Вековые контрапункты: образ России в коллективном сознании германского этноса // Новые российские гуманитарные исследования. 2007. №2. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/notices.php?binn_rubrik_pl_articles=253 (дата обращения: 15.01.2012).
3. *Оценков А. Р.* Образ России во французских путевых записках XIX века : науч. моногр. — М. : Изд-во Гос. ин-та рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2010.
4. *Bücher W.* Berlin-Moskau Eine Reise zu Fuß. — Hamburg : Rowohlt Verlag GmbH, 2003.
5. *Koslatschkow A.* Von Datschen und Kleingärten // Wostok. Informationen aus dem Osten. 1998. № 6.
6. *Schüle C. K.* Erkundung der russischen Seele. Über Elend und Hoffnung, Musik, Liebe, Suff die Rückkehr zum Glauben und die Sehnsucht nach dem Zaren. URL: http://www.zeit.de/2003/42/russland_neu. 2003. №.42 (дата обращения: 09.01.2012).

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. С. В. Кондратьев